

Политическая философия

УДК-1:32

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-5-14

СДЕРЖКИ БЕЗ ПРОТИВОВЕСОВ: ИДЕЯ «СМЕШЕНИЯ МОНАРХИИ И ДЕМОКРАТИИ» В «РИМСКОЙ ИСТОРИИ» КАССИЯ ДИОНА

М. И. Алиева

Алиева Марина Игоревна, аспирант факультета политических наук,
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: malieva@eu.spb.ru (ORCID: 0009-0009-4335-8188. ResearcherID: KHE-2686-2024).

Аннотация

В III в. нашей эры историк Кассий Дион Коккейан в многотомном трактате «Римская история» предлагает проект идеального политического устройства – лучшим образом будет устроено государство, которое гармонично сочетает в себе два элемента, монархический и демократический. В 56-й книге такая конституция характеризуется как «смешение монархии и демократии». Для современных авторов было бы несложно провести аналогию с концепцией плебисцитарной демократии, сформулированной Максом Вебером и ныне нередко используемой для описания политических режимов государств, в том числе образовавшихся на территории постсоветского пространства. Настоящая работа, однако, нацелена на предупреждение подобных аналогий – несмотря на внешнее сходство, институциональное наполнение обеих моделей различно. Раскрыты функции монарха, народа и Сената в смешанной конституции Кассия Диона в двух аспектах – как они должны были быть представлены адресатам проекта и фактический набор полномочий каждого из институтов. Политический проект рассматривается в контексте представлений Диона о наихудших ситуациях в политике – гражданской войне и «дюнастии». Смешанная конституция Диона сравнивается с цезаристской моделью: если современные плебисцитарные режимы предполагают наличие двухчастной системы – избираемого правителя и аккламирующего народа, то модель Диона, в сущности, состоит из трех элементов: монарха, народа и Сената. Римский сенат Дионом постулируется как консультативный орган, но фактически именно этот элемент оказывается в центре предлагаемого политического устройства.

Ключевые слова: смешанная конституция; плебисцитарные режимы; Кассий Дион; «Римская история»; римский сенат; Октавиан Август; монархия.

Ужас перед неограниченным насилием – со стороны античного тирана, захватившей власть террористической группировки или революционной массы – стимулировал развитие теоретических построений, которые, воплощенные на практике, должны были предотвратить разрушение мирного порядка. Политическая мысль породила значительное количество конструкций, как возлагающих надежды на добросовестного монарха, так и полагающихся на коллективную рациональность индивидов. В настоящей работе будет рассмотрен только один подобный проект, и тот феномен, который он должен был предотвратить.

Римский историк III в. нашей эры Кассий Дион Коккейан представил свой политический проект на страницах своего главного труда – многотомной «Римской истории». Наиболее подробно Дион раскрывает свои идеи в 52-й книге: в ней Октавиан Август выслушивает идеи относительно политического устройства двух своих соратников – Агриппы, придерживавшегося более демократических идей, и Мецената, сторонника монархического управления. Принято считать, что Диону более импонируют слова Мецената. Рефреном этот проект вновь появляется в 53-й книге, в которой уже сам Октавиан Август обращается к сенаторам с наставлениями, и, наконец, в виде емкой – и загадочной – формулировки в Dio Cass. Hist. rom. 56.43.4 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 330):

«Однако люди тосковали по нему не только потому, что он был наделен такими достоинствами, но и потому, что он, соединив монархию с демократией, сохранил им свободу, а сверх того дал им порядок и безопасность, так что они, избавленные и от разнузданности, которая присуща демократии, и от глумления, которым сопровождается тирания, жили в условиях разумной свободы и монархии, не внушающей страха, подчинялись монарху, но при этом не были его рабами, пользовались благами демократии, но при этом не погрязли в распрях».

Представитель римской аристократии, Кассий Дион смог построить достаточно успешную политическую карьеру, несмотря на частую смену императоров в Риме. Для понимания его литературной карьеры и жанра «Римской истории» важно отметить и тот факт, что он был приближен к Юлие Домне, супруге императора Септимия Севера, и был вхож в ее интеллектуальный кружок (Махалюк, 2014: 380-383). «Римская история», процесс работы над которой закончился много позже, предназначалась для чтения римскими императорами – и потому можно говорить о том, что изложенные в ней политические проекты имели адресата.

Для современных исследователей Дион интересен по ряду причин. «Римская история» – монументальный труд в 80 книгах, представляющий историю Рима от основания города до правления Александра Севера. «Римская история» написана по-гречески – и потому интересна не только как перечень исторических событий, но и как текст, в котором можно проследить, как представители политической и интеллектуальной элиты переносили латинские понятия на греческий язык.

На протяжении долгого времени фигура Кассия Диона представляла интерес в первую очередь для историков. В последние десятилетия можно отметить всплеск интереса к этому автору со стороны исследователей, рассматривающих трактат как в актуальном ему историческом контексте, так и разбирающих содержащиеся в нем идеи (напр., Марков, 2013; Madsen, 2019; Burden-Strevens, 2019, 2020; Lange, Scott, 2020; Kemezis, Bailey, Poletti, 2022). Вместе с тем цезаристские режимы также все чаще оказываются в поле внимания политических теоретиков, работающих как с историческим материалом (Kharkhordin, 2022; Хархордин, 2023), так и с актуальными проблемами современных государств (Baehr, 2004, 2008). Кассий Дион представляется фигурой, способной увязать между собой оба направления.

На первый взгляд Дион воспроизводит модель, известную современным политическим теоретикам как плебисцитарная демократия (Хархордин, 2023) – система, в которой народ избирает правителя, а тот в своем лице представляет народ. Цель настоящей работы, однако, в том, чтобы продемонстрировать, что проект Диона предполагает не двухчастную, но трехчастную систему – и потому не может считаться в полной мере прообразом плебисцитарной демократии как таковой.

Методологическим основанием исследования является метод исторической контекстуализации политических теорий в рамках Кембриджской школы. Видный представитель этого направления Квентин Скиннер указывал на важность двух контекстов: политического, который «ставит перед политическим теоретиком основные проблемы, заставляя выглядеть проблематичным определенный круг ситуаций», и интеллектуального, оказавшегося под влиянием в том числе предшествующих сочинений (Скиннер, 2018: 10). Политический проект Кассия Диона, безусловно, не может быть рассмотрен как «вещь в себе»: хоть его рекомендации и претендуют на универсальность, они являются ответом на вызов времени – и, более того, были связаны с аспектами биографии их автора.

Разбор аргументации Кассия Диона начинается с описания явления *dunasteia* – наихудшей из возможных политических ситуаций, возникающей в периоды гражданской войны или острого кризиса. Фигура единоличного правителя способна минимизировать вероятность возникновения *dunasteia*. Однако в «Римской истории» обнаруживаются три разных типа единоличных правителей – тиран, царь (басилевс) и монарх; различия между ними также становятся предметом повествования. Наконец, сам проект Диона разбирается в актуальном ему политическом контексте – и сравнивается с современной моделью плебисцитарной демократии.

Доказательство от противного

Редкие источники, содержащие проекты наилучшего политического устройства, не содержат вместе с тем – явственно или хотя бы скрытно – образа худшей формы правления, на преодоление или недопущение которой предлагаемый проект и направлен.

Кассий Дион выбрал удачный жанр, чтобы показать потенциальному читателю преимущества собственного политического проекта – римская история испещрена эпизодами политического насилия. Его воплощение в жизнь должно как купировать риски эскалации внутренних конфликтов в

новые гражданские войны, так и упрочить способность Рима противостоять угрозам, приходящим извне. «Разнузданность», к которой вела демократия, имела вполне конкретные примеры. Если история имперского периода испещрена примерами несправедливых правителей, к которым мы обратимся ниже, то главной бедой Республики является ее вырождение в так называемую дюнастию (греч. *dunasteia*)¹. Само слово *dunasteia* непосредственно связано со словами *dunamai* («быть способным», «мочь что-то сделать») и *dunamis* («сила», «мощь», «власть»).

Этим термином Дион обозначает ситуации в римской истории, когда наибольшее количество властных ресурсов концентрировалось в руках одного (как при диктатуре Суллы) или нескольких лиц – например, Цезаря и Помпея. У Фукидида дюнастия – это строй, который являл собой «полную противоположность законности и правовому порядку и ближе всего был к тираническому произволу. Власть находилась в руках самовластной кучки людей»². Позже, в «Политике» Аристотеля, дюнастия определяется как худшая вариация олигархического правления.

Мадс О. Линдхолмер связывает представление о дюнастии как об одной из форм правления с переводами Диона на английский язык в конце XIX в., а также с влиянием монографии *A Study of Cassius Dio* Ф. Миллара на последующие исследования (Lindholmer, 2018: 563). В частности, в число наследников этой традиции Линдхолмер включает Урбано Эспиноза-Руиса, в диссертации которого *dunasteia* понимается как форма правления, существовавшая у римлян в период между Республикой и Принципатом (Espinosa-Ruiz, 1982: 29, 76).

Однако уже в этой диссертации отмечается, что трактовать дюнастию у Кассия Диона исключительно как форму правления было бы неверно. Эспиноза-Руис пишет: «*dunasteia* не есть собственно форма государства, она есть прежде всего характеристика жизни государства, когда она не протекает в русле закона, спокойствия и общественного порядка, или когда сенат нарушает собственные постановления и декреты» (Espinosa-Ruiz, 1982: 82).

В обоих случаях – когда дюнастия понимается как форма правления или как кризисное состояние политического сообщества – она сопровождается избыточным насилием со стороны властей предрежащих, в отношении как своих личных противников, так и широкого круга людей.

Последователь Фукидида (Scott, 2020), Дион не слишком оптимистичен относительно человеческой природы, дюнастии и считает, что гражданские войны неизбежно будут возникать, пока существует человек. Идеалистический проект Диона нацелен на разработку механизмов, которые могли бы предотвратить эскалацию конфликтов. Его решение проблемы – установление монархического порядка и централизация власти в руках справедливого правителя.

Кассий Дион несколько раз оговаривает, что для римлян было ненавистно имя царей – *basileos*, слово, которым Дион переводил латинское *rex*. Так, Мecenат дает совет Октавиану: «Коль скоро ты на деле предпочитаешь монархический образ правления, но страшишься самого названия “царство” как подвергнутого проклятию, то не принимай его, но властвуй, именуясь Цезарем» (Dio Cass. Hist. rom. 52.40.1 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 106)). Институт диктатуры описывается в четвертой книге как сущностно идентичный царству, но скрытый под другим названием; концентрация власти в руках римских императоров и падение Республики также происходит под республиканскими именами: «Таковы те учреждения, которые они [римские императоры] заимствовали у республики под теми же названиями и в том же виде, в каком они некогда существовали, чтобы казалось, что они не обладают ничем, кроме врученных им полномочий» (Dio Cass. Hist. rom. 53.17.10 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 136)).

При этом само по себе полновластие для Диона не является негативным явлением. Говоря об отношении римлян к «царской власти», он как бы отстраняется от героев своего повествования. Важнее для Диона было разграничение между справедливой монархией и вырожденной тиранией. Провести это разграничение – закономерно приоритетная задача для автора про-монархического проекта. Кассий Дион мог бы обратиться к обоснованию аристотелевской классификации форм правления, но его решение оказалось более элегантным.

Дион был историком, и потому мы редко видим в его трактате четко сформулированные определения политических понятий. Его читатель должен был понять, какие правители становятся тиранами, изучая конкретные примеры из «Римской истории».

¹ Здесь и далее, вслед за О. В. Хархординим, мы используем перевод «дюнастия», чтобы избежать коннотаций с современным словом «династия».

² Перевод приводится по: Фукидид. История. Л.: Наука, 1981. С. 139.

История тирании начинается от основания города. Уже в первой книге тираническим Дион называет правление Ромула, который объявил о своем превосходстве над Сенатом. Во второй книге «Римской истории» появляется более привычная тираническая фигура – Тарквиний Гордый, страдавший чрезмерной подозрительностью и страхом за собственную власть, что привело к ряду сенаторских казней. Еспер Мадсен указывает на общую черту первых римских царей: к власти они приходили насильственным путем, их правление сопровождалось казнями и притеснениями Сената (Madsen, 2019: 64).

Так, «глумление», которым в 56-й книге «сопровождается тирания», обнаруживает в «Римской истории» вполне конкретные примеры. Это не только убийства сенаторов, но и множество других красочных преступлений, которые коллекционирует Дион – например, он рассказывает о женщинах, которых соблазнял Домициан, а затем казнил их же за прелюбодеяние. Дважды встречается история о гонениях тиранов на придворных философов: Калигула изгнал ратора за обличающую тирана речь, произнесенную в качестве упражнения, а уже упомянутый Домициан – за такую же речь убил софиста.

Характерно, что в оценке «тираничности» правителей и притязателей на власть Дион опирается на их деяния в отношении сенаторов и оценки патрициев: хотя притеснения против представителей плебса также могут быть записаны в список пороков, они служат дополнительными иллюстрациями жестокости и несправедливости тиранов, тогда как худшее преступление, очевидно, направлено против представителей сенаторского сословия. К аналогичному выводу приходит и Е. Мадсен: «Для Диона, тираничность или легитимность императора сильно зависела от того, насколько он был способен прислушаться к совету сенаторов, и от его качеств как справедливого, компетентного и благосклонного правителя, готового выкладываться лучшим образом, принимать законы, подробно обсужденные вместе с представителями Сената, и назначать наиболее подходящих мужей на важнейшие военные и административные должности» (Madsen, 2022: 100).

Критика правителей, пришедших на смену Октавиану Августу, обычно сводится к набору одних и тех же проблем: они могли быть слишком безвольными (подобно Клавдию) или, напротив, слишком своенравными и подозрительными (как Тиберий), могли чрезмерно любить военное дело (наиболее яркий пример у Диона – Каракалла) или проводить слишком много времени в обществе вольноотпущенных рабов и женщин (в чем Дион обвиняет всех вышеперечисленных). Осуждаемые Дионом черты характера императоров, а также их увлечения приводили к невозможности со стороны Сената каким-либо образом воздействовать на императора: порицаемый правитель был готов слушать либо только себя, либо своих ближайших «друзей». Как результат, правление императоров обычно сопровождалось массовыми убийствами личных оппонентов, членов их семей, а также случайными жертвами.

Тем не менее Кассий Дион использует обвинения в тирании достаточно аккуратно и, по всей видимости, пытается очертить круг потенциальных тиранов теми, кто был по статусу и возможностям ближе к Александру Северу. В этом контексте примечательно замечание Джанпаоло Урсо: для историков, предшествовавших Кассию Диону, было привычно называть Суллу тираном, но сам он для описания диктатуры Суллы пользуется термином *dunasteia* (Urso, 2016).

Кристофер Бёрден-Стревенс также считает, что Дион сознательно порывает с традицией, сравнивающей диктатуру с тиранией (Burden-Strevens, 2020: 278). Более подробно рассматривая случай Помпея, он отмечает, что такие современные Диону авторы, как Аппиан, Плутарх и, ранее, Цицерон, подчеркивали склонность противника Цезаря к тирании, в то время как Кассий Дион игнорирует эту интерпретацию. Аппиан и Плутарх основывались в большей степени на институциональном сходстве правления Помпея с греческой тиранией, в то время как Цицерон в письмах Аттику говорит о личных качествах Помпея. К. Бёрден-Стревенс резюмирует: «римский политик, который одевается и ведет себя подобно царю, – всегда тиран» (Burden-Strevens, 2019: 148).

Итак, чтобы правителю не быть тираном, ему нужно прислушиваться к мнению сенаторов: они подскажут верное решение. Идея неудивительная для автора, который сам был сенатором. Монархическая часть системы, выстроенная Октавианом Августом, таким образом, лишена «глумления» и «страха» благодаря тому, что она не нивелировала, а инкорпорировала власть Сената.

**Образ справедливого монарха в «Римской истории» Кассия Диона:
случай Октавиана Августа**

Положительная оценка Кассием Дионом единовластного правления в духе принципата Августа обычно объясняется тем, что при Октавиане наконец закончилась череда гражданских войн. В целом монархическое прочтение проекта Кассия Диона укладывается в логику про-императорской пропаганды, как ту описывает Адам Кемезис: глубинный римский народ – это те, кто «хранит память о пережитых совместно с ним [нынешнем императором] страданиях от рук прежних плохих правителей или о спасении благодаря ему от тирании» (Kemezis, 2014: 6).

В 52-й книге предлагаемый монархический режим характеризуется автором как «истинная демократия», которая сопровождается «безопасной свободой» (Dio Cass. Hist. rom. 52.14.4 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 74)). И хотя даже на страницах «Римской истории» правление Августа несколько расходится с идеальным проектом Мецената, оно все же характеризуется как исключительно благополучное. Случаи применения «большего, чем обычно, насилия» списывались на «обстоятельства» и «исключительные ситуации» (Dio Cass. Hist. rom. 56.44.1 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 330)).

Режимы, подобные тому, что выстроил Август, слишком персоналистские и в принципе не могут поддерживаться в установленном состоянии никаким другим правителем – это понимал и сам Кассий Дион. Август не только соединил монархию с демократией в одну политическую систему, но и обладал достоинствами, благодаря которым «для своих противников он и поражение делал похожим на победу, а соратникам объявлял, что успех следует за их добродетелью» (Dio Cass. Hist. rom. 56.38.3 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 320)). Благодаря политике в отношении предшествующей элиты Августу удалось предотвратить появление группы влиятельных «лишенцев» и в то же время не допустить чрезмерного возвышения собственных сторонников. В том же фрагменте Дион пишет, что до Августа подобное отношение как к своим противникам, так и к своим соратникам «никогда еще не соединялось в одном человеке».

Особый упор делается на то, что правление Августа не было тиранией – речь идет о единовластном принятии решений, с которым соглашались все. Обсуждение решений остается возможным для «лучших мужей», и место для дискуссий остается в Сенате, но Сенат должен быть очищен от «недостойных звания сенатора» (Dio Cass. Hist. rom. 52.19.1 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 78)). Продолжая излагать принципы принятия решений, Меценат говорит: «И тогда все то, что показалось тебе правильным при обсуждении с равными по достоинству, тотчас станет законом» (Dio Cass. Hist. rom. 52.15.2 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 74)).

Следование примеру Августа, конечно, подразумевало уважение к авторитету Сената и наделение его реальными политическими функциями. Так, Дж. Рич суммирует многочисленные примеры, когда Август прислушивался к мнению Сената: 53.21.3-6, 33.1; 55.4.1, 25.4-5, 34.1-2; 56.28.4-6, 40.3, 41.3 (Rich, 2004: 16). Е. Мадсен также подчеркивает, что исключительность Августа нашла для Диона свое проявление и в том, как Октавиану удалось выстроить взаимодействие монарха и Сената: наделенные достаточным объемом полномочий, сенаторы могли эффективно осуществлять свои функции, в то время как монарх оставался автономной фигурой и мог при необходимости вмешаться в политический процесс (Madsen, 2022: 100).

В «Римской истории» именно Сенат уговорил Августа не слагать с себя полномочия, а принять абсолютную власть. Во второй главе 53-й книги Кассий Дион говорит о смешанных чувствах, которые разлились по Сенату, и общей тревоге от осознания потенциальной новой гражданской войны в случае, если Октавиан действительно откажется от власти. Е. Мадсен комментирует данный фрагмент: «В терминах Диона, Август был не тираном, который достиг власти путем победы в гражданской войне, но легитимным монархом, который правил на основе ограниченных сроков и с согласия как народа, так и сената – которые могли бы не продлевать его власть, если бы посчитали нужным» (Madsen, 2019: 44). Октавиан был единоличным правителем, но с поддержкой не только Сената, но и народа, хотя активное согласие было выражено именно сенаторами.

Кассий Дион не всегда строго придерживается тезиса, что правление Октавиана Августа было смешанной конституцией. С одной стороны, фрагмент 56.43.4 как будто бы предлагает читателю модель плебисцитарной демократии, где между народом и избираемым правителем нет посредников. Монарх тогда репрезентирует весь народ в своей фигуре, тогда как народ проявляется в момент избрания своего представителя – при аккламации. С другой стороны, в 53-й книге (Dio Cass. Hist. rom. 53.17.1 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 134)) Дион явственно трактует правление Августа как

«единовластие»: «Таким вот образом вся власть народа и сената перешла к Августу, и с этого времени установилось настоящее единовластие. Ибо правильнее называть этот порядок единовластием, даже если иногда, строго говоря, двое или трое одновременно разделяли эту власть».

Но в чем преимущество монархического режима перед демократическим? Зачем вообще нужна фигура монарха? И почему монархия Августа – «истинная демократия»? Г. Аалдерс отмечает, что греческим понятием *demokratia* Кассий Дион заменяет латинское *libera res publica* (Aalders, 1986: 297). К этой форме правления Дион, однако, относится достаточно скептически. Константин Марков отмечает, что во времена Второй софистики *demokratia* уже понималась не как полное народовластие, но как «любая власть, которая не имела ярко выраженного монархического характера» (Марков, 2013: 52), и приобрела большее подобие коллективного правления, обладающего соответствующими недостатками.

Обосновывая преимущества единоличного правления с опорой на круг «лучших мужей», осуществляющих консультативные функции, Дион описывает идеальную на его взгляд систему управления: «дела будут вестись в наилучшем порядке, без вынесения их на народное собрание, без открытого обсуждения и без участия противоборствующих группировок» (Dio Cass. Hist. rom. 52.15.4 (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 75)).

Помимо часто упоминаемых античными критиками демократий распрей и сложности принятия политических решений при «правлении многих», Дион также выступает против демократии, поскольку при этой форме правления сложнее всего достигнуть «гармонии» (Aalders, 1986: 300). В целом, эту гармонию можно было бы назвать полной противоположностью дюнастии, которой страшится Дион, а система, которую создал Октавиан Август, будь то монархия или смешение монархии и демократии, позволяла предотвратить возникновение дюнастии и новой гражданской войны.

Как читать Кассия Диона сейчас: проблема соотнесения смешанной конституции в «Римской истории» Кассия Диона с плебисцитарными моделями

Интенция включить Кассия Диона в плеяду теоретиков цезаристских режимов вполне закономерна. На первый взгляд, он представляет двухчастную модель, состоящую из монарха и народа, что вполне согласуется с современными трактовками плебисцитарных режимов, базирующихся на процедуре аккламации.

Сущность аккламаций давно стала предметом интереса со стороны политической философии. Карл Шмитт считал аккламацию предпочтительнее либерально-конституционной модели, поскольку народ необходимо должен находить способ выражения себя самого – он должен присутствовать «как ἐκκλήσις в греческой демократии на рыночной площади; на римском форуме; в качестве собравшегося личного состава или войска» (Шмитт, 2010: 97), чтобы голосом выразить свое согласие или несогласие. Аккламации в понимании Шмитта обладают основополагающей функцией: народ проявляет себя через эту процедуру и, хотя настроения демоса могут подвергаться влиянию извне, аккламация должна быть неорганизованной, чтобы, подобно общественному мнению (для Шмитта – современному синониму аккламации), не превратиться в «ведомственную функцию» (Шмитт, 2010: 102). В христианской традиции аккламации светских правителей обладали не только политической функцией, легитимируя решения правителя и саму его персону, но и религиозной – они были нужны, чтобы в настоящем продемонстрировать только грядущее для христиан будущее – установление царства Христа (Нергеро, 2019: 5). Земной император в момент аккламации уподоблялся «мифическому богу» (Нергеро, 2019: 4).

Однако сложность при установлении тождественности моделей обнаруживается уже при анализе составных частей: и дело не только в том, что римский плебс был отличен от народа национального государства. Как отмечает Константин Марков, понятие «демоса» уже во II в. нашей эры приобрело «аристократический оттенок», а демократические взгляды непосредственно коррелировали со стремлением сенаторов принимать активное участие в политической жизни империи (Марков, 2013: 53). Исследователи также обращают внимание на непоследовательность употребления Дионом термина *demokratia* вообще: в тексте «Римской истории» встречается как понимание демократии в «узком смысле» (как адаптации на греческий язык латинского *libera res publica*), так и в «широком» (как одной из форм правления) (Aalders, 1986; Хархордин, 2023: 70-72).

Более того, несколько аспектов в «Римской истории» указывают, что Дион, в сущности, предлагает не двух-, а трехчастную модель политического устройства, добавляя к монархическому и демократическому элементам аристократический – в лице Сената. Сенат не только не исключен из

предлагаемой модели, но и наделен активными функциями. Что же до проявлений «народной воли», то ей, напротив, отводится у Диона меньшее значение – более того, он обосновывает, что количество «мобилизационных» мероприятий должно быть сведено к минимуму. Так, в 52-й книге Меценат рекомендует уменьшить траты на праздники, призывает противиться возведению золотых статуй. Позднее, в книге 60, решение Клавдия проводить праздники не в свою честь, но в честь своих родственников, а также запрет на жертвоприношения в свою честь и скромность в отношении возводимых статуй были записаны Дионом в «достоинства» императора.

Попытки нивелировать влияние народа связаны не с тем, что Дион не считает народ значимой силой. Напротив, ему были хорошо известны практики аккламаций, а также примеры обратного – когда народ не принимал императора. Достаточно показателен здесь пример из 74-й книги. Юлиан стоит у здания Сената, готовый принести жертву Янусу, но встречает противодействие: негодующие люди кричат и отказываются от жертвы, так что эхо их голосов отражается от городских стен. Юлиану удалось подавить протестующих, но достаточно примечательно то, как Дион описывает всеобщее недовольство и неприятие. Он видел в народе – и находил тому примеры на практике – потенциальную способность низложить правителя, не принять его, восстать, и вполне допускал, что эта способность может быть использована (или использоваться сама по себе) как против «добротного» монарха, так и против самого Сената (как то случалось, например, в случае сецессий).

Задача плебисцитарного режима противоположна – необходимо наглядно продемонстрировать, что народная масса участвует в плебисците и аккламирует президента или монарха. Другие ветви власти – законодательная или судебная – при таких системах если и существуют, то исключительно в качестве фасадных. Из политических теоретиков, занимающихся феноменом аккламации и, шире, плебисцитарных режимов в современном мире, можно привести в пример Джорджо Агамбена, утверждающего, что парламент только легитимирует уже фактически принятые исполнительной властью решения (Агамбен, 2011: 33).

Идеальная для Диона модель подразумевает усиление роли Сената в принятии решений. Как уже было показано, монархия отличается от тирании тем, что не притесняет права сенаторов, но, напротив, прислушивается к их советам и мнениям. Диону удастся протянуть этот тезис через несколько книг, иллюстрируя его разнообразными примерами, которые также содержат в себе смежные проблемы, беспокоящие автора. Одной из таких периодически становится, например, проблема репрезентации военных достижений императора: антипатии Диона к Каракалле вызваны в том числе тем, что последний ставил на первое место военное дело, а солдаты оказались в более привилегированном положении, чем сенаторы (Havener, 2020: 157). Опасность солдат в отношении сенаторов у Диона также отмечается Марковым (Markov, 2020: 250). Подобное настороженное отношение объясняется участием гвардий, например, в политических переворотах. В целом, такое внимание к деталям и к отдельным проявлениям личностей римских императоров позволило Диону отличить институт монархии от действий конкретных лиц, не умаляя преимуществ первой и не снимая ответственности с последних.

Возможно, тот же прием Дион пытается повернуть с представлением Сената и сенаторов. Как отмечает А. Имри, в «Римской истории» Диона авторитет Сената снижается, если сравнивать период республики с переходом к империи (Imrie, 2020: 187). Сенаторы часто пассивны и не способны к сопротивлению, когда императоры ополчаются на них: они не могут противостоять ни армии, ни беснующейся толпе.

В таком случае предложение Мецената, подразумевающее участие Сената, не только призвано вернуть этому органу его прежний статус, но и обновить его качественно – монарху предлагается избрать в его состав «лучших мужей» Рима. Взаимодействие Сената и монарха, таким образом, благотворно сказывается на обеих сторонах, позволяя правителю – который в лучшем случае сам по себе будет мудр и справедлив – консультироваться с лучшими людьми в важнейших вопросах. Многочисленные призывы Диона к правителям прислушиваться к сенаторам даже сближают статус его монарха с положением принцепса, практически первого среди равных – что также находит отражение непосредственно в тексте 53-й главы «Римской истории», где среди заслуг Августа отмечено и то, что он «в списках сословий был поименован первоприсутствующим в сенате, как это было принято и во времена подлинно республиканского строя» (Кассий Дион, Махалюк и др., 2014: 112). Анализируя речь Мецената, Александр Смышляев также отмечает, что политической проект Диона, в сущности, «имеет лишь внешнее сходство с абсолютной монархией, а по сути представляет собой, так сказать, принципат Августа навыворот»: Смышляев полагал, что реализация предложений Мецената может фактически поставить монарха в зависимое положение от Сената (Смышляев, 1990: 64-66).

В модели Диона монарх был поддержан сенаторами, но после его избрания Сенат не растворился, но, напротив, продолжил играть движущую роль. Фактически полномочия сенаторов могут быть приостановлены монархом, выродившимся в тирана. И все же картина, в которой Сенат оказывается беспомощным перед императорами, действительно, не слишком точна.

Как отмечает К. Марков, даже в период империи – и, возможно, в особенности в период империи – Сенат мог проявить себя с былой силой, прямо противостоя императору. Так, например, вооруженные сенаторы могли окружить императора Тиберия, когда тот входил в здание Сената, или выставить стражу перед Нероном (Markov, 2020: 249). Сенаторы напрямую угрожают жизни императора, но делают это в моменты, когда политической системе угрожает наибольшая опасность с его стороны – и, конечно, когда у них есть такая возможность.

Вероятно, что такие примеры Дион приводит специально для того, чтобы намекнуть, что даже в условиях тирании Сенат не остается совершенно безоружным и все еще может нанести ответный удар, добавляя дополнительный аргумент в пользу сотрудничества с ним. Константин Марков отмечает, что особая роль Сената как «движущей силы» в истории проявляется в кризисные моменты – в периоды гражданской войны, дунастии или других бедствий (Markov, 2020: 253).

Заключение

Основная угроза, которая содержится в проекте Диона, – чрезмерная концентрация полномочий в руках монарха. Его модель не содержит институционального механизма для разрешения потенциального конфликта между элементами системы.

Действительно ли Кассий Дион не предвидел угрозы, которая потенциально может исходить со стороны настолько мощного правителя, пусть даже готового консультироваться с сенаторами относительно принятия решений? Стоит держать в уме актуальный контекст, в котором была написана «Римская история» – ее главный читатель уже держит в руках всю власть в Риме, и маловероятно, что кто-либо из римских императоров добровольно откажется от нее.

Как представитель сенаторского сословия, Кассий Дион был лично заинтересован в сохранении статуса Сената – тем интереснее прочитывать «Римскую историю» в поисках общих характеристик тех правителей, которых Дион называет тиранами. Для Диона тиран – это монарх, терроризирующий Сенат. То, как систематично говорит о тирании Дион, делает ее очень конкретной и практически персонифицированной. Тиран Диона архитипичен: он презирает Сенат, он увлечен войнами, он казнит и ссылает за смелые речи и вступает в позорные связи. Дион редко включает в текст явные теоретические рассуждения, но неожиданная выверенность в подборе примеров говорит о стоящей за ними четкой системе. Он чувствует, что система, в центре которой – единоличное правление, не застрахована от негативных проявлений человеческой природы. Дион уделяет особое внимание личным качествам императоров, часто отмечая, что негативные проявления монаршего характера могли быть сдержаны вмешательством Сената или привычкой императора прислушиваться к коллегиальным советам «лучших мужей». Но не только произвольный тиран – угроза для Диона. Источник тревоги для него – неуправляемость, будь то безумный император или гражданская война, сопровождаемая дунастией. Его цель – найти способ ее устранить и предотвратить.

На первый взгляд проект Диона схож с плебисцитарной моделью: не только народ находит выражение в монархе, но и с установлением этой двухчастной системы заканчивается острая кризисная ситуация. Однако в плебисцитарной модели конфигурация институтов тяготеет к уподоблению транслируемой идеологии – полнота власти действительно постепенно сосредоточится в руках единоличного правителя. Дион, напротив, пытается – с разной степенью надежности – установить сдержки неограниченному правлению одного человека.

Список сокращений

Dio Cass. Hist. rom.	Dio Cassius. Roman History: in 9 vols. / trans. from the Latin by E. Cary, H. B. Foster. – London, Cambridge (MA): Harvard University Press, 1914–1927. – (Loeb Classical Library; 32, 37, 53, 66, 82, 83, 175, 176).

Список литературы / References

- Агамбен, Дж. (2011) *Homo Sacer. Чрезвычайное положение*. М.: Издательство «Европа», 148 с. [Agamben, Dzh. (2011) *Homo Sacer. The state of exception* [Homo Sacer. Chrezvychajnoe polozhenie]. М.: Izdatel'stvo «Европа», 148 p. (In Russ.)].
- Кассий Дион Коккейан (2014) *Римская история. Книги LI–LXIII* / пер. с древнегреч. А. В. Махалюка, К. В. Маркова, Е. А. Молева, Н. Ю. Сивкиной. СПб.: Нестор-История, 680 с. [Cassius Dio Cocceianus (2014) *Historia Romana. Libri LI–LXIII* / Trans. from the Ancient Greek by A. V. Makhalyuk, K. V. Markov, E. A. Molev, N. Y. Sivkina [Rimskaya istoriya. Knigi LXIV–LXXX]. SPb.: Nestor-Istoriya, 680 p. (In Russ.)].
- Марков, К. В. (2013) ‘Единовластие как «подлинная демократия» в трудах греческих авторов времен Второй софистики: ирония, иллюзия, утопия или идеал?’, *Вестник древней истории*, 3, сс. 52–74. [Markov, K. V. (2013) ‘Monarchy as “true democracy” in the works of Greek authors of the Second Sophistic: irony, utopia or ideal?’ [Edinovlastie kak «podlinnaya demokratiya» v trudah grecheskih avtorov vremen Vtoroj sofistiki: ironiya, illyuziya, utopiya ili ideal?], *Vestnik drevnej istorii*, 3, pp. 52–74. (In Russ.)].
- Смышляев, А. Л. (1990) ‘«Речь Мecenата» (Dio Cass. LI, 14–40): проблемы интерпретации’, *ВДИ*, 1, сс. 54–66. [Smyshliaev, A. L. (1990) ‘Maecenas’ Speech (Dio Cass. LI, 14–40): Problems of Interpretation’ [«Rech' Mecenata» (Dio Cass. LI, 14–40): problemy interpretacii], *VDI*, 1, pp. 54–66. (In Russ.)].
- Скиннер, К. (2018) *Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1.: Эпоха Ренессанса*. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 464 с. [Skinner, Q. (2018) *The Foundations of Modern Political Thought Volume 1. The Renaissance*. [Istoki sovremennoj politicheskoy mysli: v 2 t. T. 1.: Epokha Renessansa]. М.: Izdatel'skij dom «Delo», RANHiGS, 464 p. (In Russ.)].
- Фукидид (1981) *История*. Л.: Наука, 353 с. [Fukidid (1981) *History* [Istoriya]. L.: Nauka, 353 p. (In Russ.)].
- Хархордин, О. В. (2023) ‘Как соединить монархию с демократией. Рецепты римской истории’, *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, 1, сс. 62–127. [Khar-khordin, O. V. (2023) ‘How to mix monarchy with democracy. Precepts from Roman history’ [Kak soedinit' monarhiyu s demokratiej. Recepty rimskoi istorii], *Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 1, pp. 62–127. (In Russ.)].
- Шмитт, К. (2010) *Государство и политическая форма*. М.: Издательский дом ВШЭ, 272 с. [Schmitt, K. (2010) *The state and political form* [Gosudarstvo i politicheskaya forma]. М.: Izdatelskiy dom VSHE, 272 p. (In Russ.)].
- Aalders, G. J. D. (1986) ‘Cassius Dio and the Greek World’, *Mnemosyne*, 39 (3–4), pp. 282–304. DOI: 10.1163/156852586X00446
- Baehr, P., Richter, M. (2004). *Dictatorship in History and Theory: Bonapartism, Caesarism, and Totalitarianism*. 324 p. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139052429
- Baehr, P. (2008) *Caesarism, Charisma and Fate*. New Brunswick, NJ: Tavistock. 243 p.
- Burden-Strevens, C. (2019) ‘The Republican Dictatorship: an Imperial Perspective’. In Osgood, J. Baron, C. (eds.) *Cassius Dio and the Late Roman Republic*. Boston, Leiden: Brill, pp. 131–157.
- Burden-Strevens, C. (2020) *Cassius Dio's Speeches and the Collapse of the Roman Republic. The Roman History, Books 3–56*. Boston, Leiden: Brill. 340 p.
- Espinosa-Ruiz, U. (1982) *Debate Agrippa-Mecenas en Di6n Casio: respuesta senatorial a la crisis del Imperio Romano en 6poca severiana* [In Spanish]. Madrid: Universidad Complutense. 459 p.
- Havener, W. (2020) ‘“A Warlike Man”: Cassius Dio’s Perception and Interpretation of the Imperial Military persona’. In Lange C. H., Scott A. G. (eds). *Cassius Dio. The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden, Boston: Brill, pp. 138–164. DOI: 10.1163/9789004434431_008
- Herrero, M. (2019) ‘Acclamations: a theological-political topic in the crossed dialogue between Erik Peterson, Ernst H. Kantorowicz and Carl Schmitt’, *History of European Ideas*, 45 (7), pp. 1045–1057. DOI: 10.1080/01916599.2019.1637360
- Imrie, A. (2020) ‘The War Comes Home: Rome and Romans during Civil Conflict in the *Roman History*’. In Lange, C.H., Scott, A.G. (eds.) *Cassius Dio. The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden, Boston: Brill, pp. 165–191. DOI: 10.1163/9789004434431_009

- Kemezis, A. (2015) *Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans. Cassius Dio, Philostratus and Herodian*. Cambridge: Cambridge University Press. 340 p.
- Kharkhordin, O. (2021) 'Authority and Power in Russia', *Slavic Review*, 80 (3), pp. 469–488.
- Lindholmer, M. (2018) 'Cassius Dio and the 'Age of δυναστεία'', *Greek, Roman & Byzantine Studies*, 58, pp. 561–590.
- Madsen, J. M. (2019) *Cassius Dio*. London: Bloomsbury Academic. 144 p.
- Madsen, J. M. (2022) 'Cassius Dio and the Ideal Constitution'. In Kemezis, A., Bailey, C., Poletti, B. (eds) *The Intellectual Climate of Cassius Dio: Greek and Roman Pasts*. Boston, Leiden: Brill, pp. 80–108.
- Markov, K. (2020) 'Cassius Dio on Senatorial Activities as a Factor of Political Instability and Civil War'. In Lange, C. H., Scott, A. G. (eds). *Cassius Dio. The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden, Boston: Brill, pp. 241–256.
- Millar, F. (1964) *A Study of Cassius Dio*. Oxford: Clarendon. 239 p.
- Rich, J. W. (2004) *Cassius Dio. The Augustan Settlement (Roman History 53-55.9)*. Liverpool: Liverpool University Press, 2004. 260 p.
- Scott, A. (2020) 'Civil War and Governmental Change: From the Achievements of Augustus to the Failures of the Severans'. In Lange, C. H., Scott, A. G. (eds). *Cassius Dio. The Impact of Violence, War, and Civil War*. Leiden, Boston: Brill, pp. 334–354.
- Urso, G. (2016) 'Cassius Dio's Sulla: Exemplum of Cruelty and Republican Dictator'. In Madsen, J. M., Lange, C. H. (eds.) *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician*. Leiden: Brill, pp. 13–32.

Статья поступила в редакцию: 01.05.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

CHECKS WITHOUT BALANCES: THE IDEA OF "A MIXTURE OF MONARCHY AND DEMOCRACY" IN CASSIUS DIO'S *ROMAN HISTORY*

M. Alieva

Marina Alieva, graduate student of the Faculty of Political Science,
European university at St. Petersburg, Saint Petersburg.
E-mail: malieva@eu.spb.ru (ORCID: 0009-0009-4335-8188. ResearcherID: KHE-2686-2024).

Abstract

In the third century AD, the historian Cassius Dio Cocceianus, in his "Roman History," proposes a blueprint for an ideal political constitution: the state that combines monarchy and democracy. Book 56 characterizes such regime as "a mixture of monarchy and democracy." Modern authors may draw an analogy with the concept of plebiscitary democracy. This paper, however, is aimed at preventing such analogies as despite the external similarities, the institutional content of the two models is different. The paper reveals the functions of the monarch, the people, and the Senate in the mixed constitution of Cassius Dio in two aspects: how they were intended to be presented to the addressees of the project, and the actual set of powers of each institution. The political project is examined in the context of Dio's ideas on the worst situations in politics such as civil war and 'dunasteia'. The author compares Cassius Dio's mixed constitution with the Caesarist model. The results show that while modern plebiscitary regimes involve two parts of the system - the elected ruler and the acclamating people - Dio's model consists essentially of three elements: the monarch, the people, and the Senate.

Keywords: mixed constitution; plebiscitarianism; Cassius Dio; Roman History; Roman Senate; Octavian Augustus; monarchy.